
СЛАВИСТИКА

Квашнина Дарья Сергеевна

Ивановский государственный университет (ИвГУ),

Иваново, Россия

dashka.kwashka@yandex.ru

Научный руководитель – Н. В. Суворова, канд. филол. наук

ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИЕ НАЗВАНИЯ МЕСЯЦЕВ, СВЯЗАННЫЕ С МИРОМ ПРИРОДЫ: ОБЩЕЕ И РАЗЛИЧНОЕ

Ключевые слова: восточнославянские языки, семантика, этимология, специфика, сходство.

Статья посвящена рассмотрению особенностей номинации восточнославянских названий месяцев, связанных с миром природы. На основе семантического анализа лексических единиц развивается и доказывается тезис о том, что в родственных языках есть не только сходства, но и различия, свидетельствующие о специфике культурных традиций славянских народов.

Kvashnina Daria

Ivanovo State University (IvSU),

Ivanovo, Russia

SIMILARITIES AND DIFFERENCES OF THE EAST SLAVIC NOMINATIONS OF MONTHS CONNECTED WITH THE NATURAL WORLD

Keywords: the East Slavic languages, semantics, etymology, specificity, similarity.

The article deals with the peculiarities of the East Slavic nominations of months connected with the natural world. On the basis of analysis of lexical units both similarities and differences of the kindred languages have been revealed. The distinctions express the specificity of cultural traditions of the Slavic peoples.

Время как особая категория человеческого мышления интересовало людей с давних пор: человек пытался осмыслить окружающие его явления и происходящие с ними изменения. В связи с этим неслучайно, что лексемы, обозначающие временные промежутки, достаточно древние, при этом в основе их номинации находятся совершенно разные признаки. Так, названия большинства месяцев древнего римского календаря связаны с именами собственными —

именованиями Богов или правителей. Например, внутренняя форма латинского названия восьмого месяца *augustus* ('август') отражает связь с именем Октавиана Августа — древнеримского императора. В то же время несколько иная картина наблюдается в славянском календаре. В основе названий многих месяцев лежат либо установки на сезонные виды деятельности, либо явления природы, которые определяют эти установки. Можно предположить, что специфика номинации данных образований в первую очередь связана с главенствующей ролью окружающего мира в жизни славян, а также зависимостью их деятельности от природных циклов.

Названия месяцев, связанные с миром природы, составляют самую многочисленную группу (20 наименований) среди других групп, образующих восточнославянские названия месяцев, связанные с миром природы: 10 лексем из украинского языка, 9 — из белорусского языка, 1 — из русского языка. Названия месяцев, входящие в данную лексико-семантическую группу, имеют разную мотивацию. Условно их можно разделить на три подгруппы: слова, отражающие погодные условия; слова, отражающие изменения в растительном мире; и слова, отражающие изменения в животном мире. В каждой подгруппе можно обнаружить различные соответствия/несоответствия, которые позволяют судить об общности или уникальности названий месяцев в том или ином языке, а вместе с этим — о сходствах и различиях в истории развития данных восточнославянских языков.

Подгруппа названий месяцев, связанных с растительным миром, включает 11 наименований (6 лексем из украинского языка, 5 — из белорусского языка). Как правило, внутренняя форма лексем данной подгруппы отражает связь наименования месяца с растением.

В подгруппе названий месяцев, связанных с растительным миром, можно заметить наибольшее количество соответствий между украинскими и белорусскими лексемами. Так, и в украинском, и в белорусском языках одиннадцатый месяц календарного года называется *листопад*. Эта лексема, обозначающая время опадания листьев, была унаследована современными восточнославянскими языками от древнерусского языка, где *листопад* обозначал десятый месяц года, т. е. не ноябрь, а октябрь. Этот сдвиг, по мнению В. Е. Гусева, обусловлен, прежде всего, разницей в климатических условиях, а также тем, что до расселения славян «одно и то же название объективно соотносилось со смежными месяцами юлианского ка-

лендаря» [Гусев, 1978, с. 135–136]. Данный семантический сдвиг характерен для тех названий месяцев, корни которых являются праславянскими. Так, название *листопад* восходит к праславянскому слову **listopadъ*.

Среди названий месяцев, связанных с растительным миром, есть соответствия, которые появились уже после распада древнерусского языка. Об этом говорит отсутствие данного названия месяца в древнерусском языке. Например, пара *липень* (укр.) — *ліпень* (белорус.). Оба слова обозначают седьмой месяц календарного года и указывают на время цветения липы. Такая мотивировка представляется неслучайной: липа играла важную роль в хозяйственной деятельности славян. Так, из древесины этого дерева изготавливали посуду, а из коры добывали лыко, которое использовали для плетения лаптей.

Наряду со сходствами в восточнославянских названиях месяцев есть и различия, свидетельствующие о самостоятельном развитии современных славянских языков. Так, название пятого месяца года *травень*, отражающее время роста травы, в украинский язык пришло из древнерусского языка, а слово *май* в белорусский и русский языки — из латыни. Предположительно, латинское *maj* было связано с именем богини Майи и означало ‘месяц Майи’ [КЭСРЯ, 1971, с. 252]. Этой римской богине природы и весны приносились первого мая жертвы, кроме того, на пятый месяц года приходились посвященные ей праздники. Разный подход к обозначению одного явления отражен и во внутренней форме названия третьего месяца года: *березень* (укр.) и *сакавік* (белорус.). Если внутренняя форма украинского названия отражает процесс появления почек на березе, то белорусское наименование связано с процессом начала движения березового сока.

Подгруппа названий, связанных с погодными условиями, включает 7 лексем (3 украинских, 3 белорусских, а также одно русское наименование). Внутренняя форма названий месяцев этой подгруппы — попытка запечатлеть в слове погодные факторы, определяющие своеобразные «вехи» в сельскохозяйственной деятельности славян. Например, слово *грудень*, украинское название двенадцатого месяца, обозначает время замерзания земли, к которому уже должен был прекратиться сбор урожая.

Лексемы, входящие в эту подгруппу, нередко имеют общую внутреннюю форму в украинском и белорусском языках. Например, в названии второго месяца года — *лючень* (укр.) — *люты* (белорус.) отражаются особенности погодных условий этого времени: морозы и метели.

Однако в данной подгруппе между украинским и белорусским языками сходств меньше, чем различий. Например, название двенадцатого месяца года в украинском языке — *грудень*, а в белорусском — *снежань*. В этих лексемах есть одна общая сема 'холодная погода'. Но в основе каждого наименования лежит более конкретный признак: украинское слово *грудень* отражает время замерзания земли, белорусское *снежань* — период частых обильных снегопадов.

В подгруппу названий месяцев, связанных с погодными условиями, входит название четвертого месяца в русском языке *апрель*. Как показывают данные этимологических словарей, слово заимствовано из старославянского языка, где *априль* передает среднегреческое *apri(lio)s*, восходящее к латинскому *aprilis*, скорее всего, родственного *apricus* 'согреваемый солнцем' [КЭСРЯ, 1971, с. 28]. Отсюда *апрель* — 'согреваемый солнцем месяц'. История русских названий месяцев свидетельствует о постепенном отходе от славянских традиций в сторону византийских. Многие современные названия месяцев пришли в русский язык через греческий язык с принятием христианства.

Названия месяцев, связанные с животным миром, составляют самую малочисленную подгруппу. В нее входит всего две номинации (одна из украинского языка и одна из белорусского языка), внутренняя форма которых связана с осмыслением роли животных в жизни славян.

Эта подгруппа названий месяцев в украинском и белорусском языках количественно отличается от данной подгруппы в древнерусском языке. Если в древнерусском языке подобных лексем было три (*изок* 'июнь', *червен* 'июль', *ревун* 'сентябрь'), то в украинском и белорусском языках сохранилась только одна лексема, обозначающая шестой месяц года, — *червень* (укр.) и *чэрвен* (белорус.). И. П. Калинин связывает название этого месяца с названием красивого червя — 'червец или червень', который появляется в это время года [Калинский, 2013, с. 200–201]. Следует отметить, что еще древние славяне занимались сбором этих червей — кошенилей, живущих на корешках дивалы. Из кошенилей добывали пурпурную краску для окрашивания тканей. Таким образом, внутренняя форма названия седьмого месяца года опосредованно отражает связь с деятельностью славян — в данном случае, с производством тканей и, возможно, с их продажей. В то же время древнерусские названия *изок* ('месяц появления кузнечика') и *ревун* ('месяц рева зверей') не связаны с хозяйственной жизнью, вероятно, поэтому они и вышли из употребления.

Таким образом, сопоставление восточнославянских названий месяцев, связанных с миром природы, позволяет обнаружить общее и различное в каждом из языков. Прежде всего, очевидно то, что русский язык пошел по совершенно иному пути развития, чем белорусский и украинский языки. Отказавшись от славянских названий месяцев, он перенял латинские названия, которые отражают неславянскую картину мира. В свою очередь белорусский и украинский языки сохраняют традиции древних славян. Общность между этими языками проявляется в группе названий месяцев, связанных с растительным миром: в них зафиксированы важнейшие этапы природного цикла. Однако наряду со сходствами, обнаруженными в украинском и белорусском языках, есть и различия, которые свидетельствуют о самостоятельном развитии каждого из языков.

ЛИТЕРАТУРА

- Гусев, 1978 — *Гусев В. Е.* О реконструкции праславянского календаря // Советская этнография. 1978. № 6. С. 132–143.
- Калинский, 2013 — *Калинский И. П.* Церковно-народный месяцеслов на Руси. М.: Институт русской цивилизации, 2013.
- КЭСРЯ, 1971 — *Шанский Н. М., Иванов В. В., Шанская Т. В.* Краткий этимологический словарь русского языка. Пособие для учителя. 2-е изд., испр. и доп. / под ред. С. Г. Бархударова. М.: Просвещение, 1971.